

ВЛАДИМИР МАЗИЛОВ

Доктор психологических наук, профессор,
зав. кафедрой Ярославского государственного
педагогического университета им. К.Д.Ушинского

КРИЗИС НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ: XXI ВЕК

Статья посвящена анализу феномена кризиса в психологии. Периодически появляются новые публикации на тему кризиса в психологии, что свидетельствует о том, что тема не закрыта и сохраняет актуальность.

В статье обосновывается положение, согласно которому, существуют психологические причины, заставляющие психологов новых поколений говорить о кризисе. Главный тезис настоящей статьи – навязчивое обращение (и возвращения) к теме кризиса есть не что иное, как память психологов (для самих себя), что психология пока что несовершенна, если мерить по Большому счету, считать ее наукой о человеческой Душе, наукой о наиболее удивительном и совершенном (возвышенном), как некогда полагал Аристотель. Утверждается, что за дату возникновения кризиса следует принять 1874 год, т.е. она совпадает с датой возникновения психологии как самостоятельной науки. Выделены и описаны три уровня кризиса.

Ключевые слова: психология, наука, кризис, предмет психологии.

Периодически появляются новые публикации на тему кризиса в психологии, что свидетельствует о том, что тема не закрыта, и, напротив, сохраняет актуальность [4],[5],[6],[20],[21]. Это дает основания для того, чтобы высказать суждения на этот счет. Поскольку уже

приходилось писать о кризисе в психологии [14],[15],[18-19], остановимся лишь на некоторых аспектах проблемы, которые стали наиболее важными в свете последних дискуссий по этой тематике.

Греческое слово “кризис” (*krisis* – поворотный пункт, решение, исход), как известно, означает “тяжелое переходное состояние какого-либо процесса”, “резкий, крутой перелом”. Иными словами, кризис – термин оптимистический: имплицитно представляется, вот пройдет кризис и все будет по-новому, все будет лучше. Поэтому любовь к термину “кризис” означает всего лишь выраженную неудовлетворенность психологов нынешним состоянием своей прекрасной науки и стойкую надежду на перемены к лучшему в самом ближайшем будущем. А нетерпение – вполне извинительное состояние, возникающее при избыточной мотивации.

Считается, что в русском языке слово “кризис” заимствовано, возможно из немецкого языка. Оно появилось в русском языке в первой половине XVIII века. Немецкое *krisis* – кризис, греч. *krisis* – переломный момент, поворотный пункт, исход, кризис. Дословно греческое *krinein* решать от *krino* – разделять, просеивать, отсеивать, определять, судить. Просеивать, отсеивать – значит очищать. Словварь Вебстера отсылает нас к немецкому слову *rein*, английскому *pure* – очищен-

ный. Индоевропейские истоки *ripāti he cleanses* – он чистит, очищается, искупает вину. Поэтому и в этимологических словарях приводится такой смысловой аспект первичного значения слова **кризис** – новый, свежий. В данном подтексте **кризис – это очищение, отказ от старого и формирование нового** [9]. И, как утверждает цитированный выше словарь, «**кризисы – это признак жизни, только у мёртвых нет кризисов.** Кризис – это не грянувшее зло, кризис – это **неизбежный этап для отbrasывания плохого и приобретения нового, хорошего.** Хотите развития к лучшему – готовьтесь к кризисам. Не любите кризисы? Тогда оставайтесь в прошлом, где вам самое место» [9]. В каждой шутке, напомним, есть доля шутки...

Психологи любят слово «кризис»: это не только важный предмет исследований возрастных, медицинских, социальных, организационных и др. психологов. Психологи едва ли не обожают описывать этим термином состояние их науки. Если за дату возникновения научной психологии принять 1874 год, когда был полностью опубликован труд В. Вундта, обосновавший «новую область в науке» [35], то придется признать: кризис сопровождал само рождение научной психологии. Дело в том, что в том же 1874 году другой психолог Ф. Брентано писал в «Психологии с эмпирической точки зрения»: «Не столько в разнообразии и широте мнений, сколько в единстве убеждений испытывает сегодня психология острую нужду. И здесь мы должны стремиться приобрести то же, чего – одни раньше, другие позже – уже достигли математика, физика, химия, физиология; нам нужно ядро признанной всеми истин, которое в процессе взаимодействия многих сил затем быстро обрастет новыми кристаллами. На место психологий мы обязаны поставить психологию» [1, с.11]. Как мы увидим далее, это и есть главный

симптом кризиса: психологий много, нет единой психологии. Таким образом, можно говорить о кризисе, сопровождавшем само рождение научной психологии.

Заметим, что обсуждение проблемы кризиса связано с интенсивными «методологическими эмоциями» (А.В. Юревич), которые существенно осложняют рассмотрение и так не простых методологических вопросов.

Постараемся кратко сформулировать нашу позицию.

1. Полагаем, что не стоит воспринимать кризис как *негативное явление*. Как уже выше отмечалось, кризис может рассматриваться не только как «резкий, крутой перелом», но и как «тяжелое переходное состояние какого-либо процесса» (например, как родовая травма, которая не преодолена до сих пор). Поэтому стоит акцентировать, что, если рассматривать кризис как долгие поиски подлинного предмета науки, то это ни коим образом не должно расцениваться как ее недостаток.

2. Важно подчеркнуть, что это именно *состояние*, а состояние *субъективно*, так как представляет собой субъективную оценку. Поэтому очевидно, что вполне возможна множественность оценок: то, что одному субъекту представляется кризисом, другому видится поступательным развитием.

3. Как многократно отмечалось, российской науке свойственно «вิตать в облаках», не уделяя должного внимания практике (Дж Сорос). Вероятно, стремление «дойти до самой сути», свойственное отечественной науке, влияет на то, что термин кризис используется в отечественной психологии чаще, чем в зарубежной.

4. Представляется, что, когда мы говорим о кризисе, не стоит воспринимать его упрощенно и уплощенно. В известном исследовании [28] было убедительно показано, что кризис (впрочем, как

и практически все в психологии) имеет сложное строение, носит системный характер. Не подлежит сомнению, что для понимания кризиса важно учитывать, что существуют социальные и когнитивные его составляющие [28].

Итак, когда мы говорим о кризисе, мы имеем в виду выраженную неудовлетворенность психологов нынешним состоянием своей прекрасной науки и стойкую надежду на перемены к лучшему.

Обратимся, однако, к аспекту проблемы, давшему название настоящей статье. Как известно, один из центральных образов, связанных с кризисом в психологии, был представлен в книге Н.Н. Ланге «Психология» [11]: Приам на развалинах Трои. Приам, который, как мы помним по Илиаде, к моменту захвата Трои был глубоким старцем, не принимавшим участия в сражениях, отцом 50 сыновей и 50 дочерей. У Гомера ничего не сказано про то, что переживал Приам на развалинах Илона, захваченного ахейцами. Судя по всему, погоревать на развалинах ему так и не удалось, поскольку, согласно Вергилию, убит Приам был в алтаре Зевса сыном Ахилла Пирром (Неоптолемом). Последние слова старца Приама, которые он произнес в гибнувшей Трое: «Не проживет до старости тот, кто отнимает жизнь у старости».

Кризис психологии, согласно Н.Н. Ланге, проявился в том, что нет больше Трои. Крушение ассоциативной системы породило развалины. Впрочем, предоставим слово самому автору: «Кто знаком с современной психологической литературой, с ее направлениями и тенденциями, особенно в отношении принципиальных вопросов, не может, я думаю, сомневаться, что наша наука переживает ныне тяжелый, хотя и крайне плодотворный, кризис. Этот кризис, или поворот (начало которого можно отнести еще к 70-ым гг. прошлого столетия), характеризуется, вообще говоря, двумя чертами: во-

первых, общей неудовлетворенностью той прежней доктриной или системой, которая может быть названа, вообще ассоциационной и сенсуалистической психологией, и, во-вторых, появлением значительного числа новых попыток углубить смысл психологических исследований, причем обнаружилось, однако, огромное расхождение взглядов разных психологических направлений и школ» [11, с. 69]. Н.Н. Ланге определил признаки кризиса: реально работал критерий «огромного расхождения» («отсутствия общепринятой системы в науке») – если «расхождение» существует, то психология не имеет «основы», «фундамента», позиции по отношению к которым у большинства психологов должны совпадать.

Но вот вопрос, который для нас важен: «Действительно ли в пору господства доктрины ассоциативной психологии был золотой век, существовала Великая Троя, подвергшаяся разрушению? Полагаем, что нет. Хотел Н.Н. Ланге акцентировать разрушительную сторону кризиса, вот и выбрал такую метафору. Более соответствующей реалиям, на наш взгляд, является метафора «кротовых нор», принадлежащая Фихте-сыну. Горькие слова Фихте-сына, сказанные в 1847 году, тогда безусловно справедливые, уже в восьмидесятые годы казались относящимися к далекому прошлому психологии: «Большая часть из нас одинока, подобно кротам, копают в собственных норах, и опасаются недоброй встречи, прикасаясь к подземным ходам других. В науке самого высокого и универсального интереса каждый упорно говорит своим языком, следует только собственной терминологией; короче, сilitся прежде всего стать оригинальным между другими, вместо того, чтобы искать общего и связующего» [12, с. XLV–XLVI????]. Хочется обратить внимание на то, что цитата из Фихте приводится по тексту книги

Н.Н. Ланге 1893 года. Не было золотого века применительно к метафоре кризиса Н.Н. Ланге, «не было Трои»... Золотой век – впереди!

Настоящая работа не является историко-психологическим исследованием, поэтому не преследует цели подробного описания кризисных явлений на разных этапах развития научной психологии (этот тема, несомненно, достойна специального исследования). Задача этой работы – попытаться выявить специфику кризисов в психологии и наметить магистральные пути их возможного преодоления. Исторические данные будут привлекаться лишь для того, чтобы попытаться ответить на важный вопрос: имеем мы дело с одним и тем же “перманентным” кризисом или же происходит череда сменяющих друг друга кризисов различной природы. Во всяком случае даже поверхностный взгляд на историю психологии заставляет предположить, что кризисы в психологии были практически всегда. Необходимо сделать некоторые уточнения. В работе А.В. Юревича делается важное разграничение: “Основываясь на научнovedческой традиции дифференцировать ее когнитивную и социальную составляющие, можно утверждать, что и кризис науки тоже может быть когнитивным и социальным, а отечественная психология если и переживает, то в основном *когнитивный*, а не *социальный кризис* – кризис представлений о том, как следует изучать и объяснять психологическую реальность, а не кризис социального статуса и материального положения психологов” [28, с. 3]. В данной работе речь будет идти исключительно о когнитивном кризисе.

Другое важное ограничение связано с тем, что речь будет идти именно о *научной психологии*: проблемы практической практики не будут нами рассматриваться сколь-нибудь подробно. Это ни коим образом не означает

недооценки значения практико-ориентированной психологии: просто у данной работы свои задачи.

И, наконец, поскольку объем данной работы существенно ограничен, многие вопросы освещены в ней очень кратко (о различных трактовках кризиса в психологии в 10-е – 70 гг. см. [14], [18], [19].

Итак, в любом случае, первым о кризисе заговорил Брентано в 1874 году. Книга Н.Н. Ланге «Психология» [11], в которой открыто говорилось о кризисе в психологии, послужила своего рода «сигналом»: свои «диагнозы» начали давать многие психологи. Хотя, исторической справедливости ради, следует отметить, что о кризисе в психологии писали и до Ланге: французский последователь В.М.Бехтерева Н.Н.Костылев опубликовал в 1911 году в Париже книгу под названием «Кризис экспериментальной психологии» [32], еще в конце позапрошлого столетия махист Рудольф Вилли написал книгу о кризисе в психологии [34]. В любом случае приоритет в постановке диагноза принадлежит все же Ф. Брентано: он сумел разглядеть симптомы кризиса практически в момент рождения научной психологии. Впрочем, куда важнее другое: с тем, что кризис есть, согласны практически все. Что касается трактовки причин и смысла психологического кризиса, то здесь наблюдается привычное для психологической науки многообразие взглядов и позиций.

Есть основания считать, что кризис, первые симптомы которого можно увидеть в работах Ф.Брентано, существует уже в течение века. Преодолен он не был, признаки, названные еще Н.Н.Ланге, по-прежнему налицо. Существуют некоторые флуктуации, связанные с тем, что появляются надежды на единство, которые в очередной раз не оправдываются, что ведет к обострению кризиса. Рассмотрим в качестве примера Международные психологические конгрессы.

XVIII Международный психологический конгресс в Москве в 1966 году. По свидетельству Л.Гараи и М.Кечке, XVIII Международный явился триумфом естественнонаучного подхода: “Можно с уверенностью утверждать, что большинство участников Международного конгресса по психологии уехали из Москвы в настроении подлинной эйфории, вызванной уверенностью в том, что психология на правильном пути, которым раньше стали двигаться физика, химия, биология и другие естественные науки, от которых психология отличалась (если отличалась вообще) только большей степенью сложности объекта своего исследования. Эту же эйфорию выразили заключительные слова Прибрама: “Это был поистине исторический конгресс. Я уверен, что будущие поколения, обращаясь к этому событию, будут отдавать себе отчет в том, что здесь в Москве мы были свидетелями того, что психология оформилась как целиком экспериментальная наука” [3, с.87]. Здесь важно обратить внимание на такой факт: торжество естественнонаучного подхода связывалось с тем, что в очередной раз создалась иллюзия – чисто “социальные” феномены поддаются “естественным” методам. Л.Гараи и М.Кечке в статье с символическим названием “Еще один кризис в психологии!” вспоминают, с каким восторгом встретили участники московского конгресса доклад Х.Дельгадо, где описывалось изменение “социального” поведения обезьян под влиянием стимуляции мозга с помощью вживленных электродов. То есть в очередной раз показалось, что сбудется мечта Энгельса (“Мы сведем когда-нибудь...”). “Поскольку изменение поведения меняет статус в группе, социальная структура этой последней может целиком оказаться в зависимости от такой технической манипуляции. Более чем вероятно, что вся аудитория согласилась с выводом этого доклада о возможности

изменения таким способом социального порядка целых сообществ и необязательно только у животных” [3, с.87].

“На этом фоне было настоящим сюрпризом, что десять лет спустя другой международный конгресс, 21-й в Париже, был открыт Полем Фрессом президентским обращением, первой фразой которого было: “Психология находится в состоянии кризиса!” Президент утверждал: “Кризис глубок, ибо это кризис теории. Мы ступили на путь научной революции в поисках новой парадигмы в смысле, который Кун дал этому слову”. Фресс утверждал, что поиск новой парадигмы идет в направлении, где поведение будет не больше, чем сырой материал исследования, реальным объектом исследования которого станет человек. А ведь сомнения в том, является ли позитивистский метод естественных наук подходящим для всестороннего изучения человека, не новы. Известны соображения, которые побудили Дильтея противопоставить гуманитарную (*geisteswissenschaftliche*) психологию естественнонаучной (*naturwissenschaftliche*). Ключевым является, например, соображение, которое Дильтея сформулировал следующим образом: “Первое решающее условие для того, чтобы гуманитарная наука была возможной, заключается в том, что и я сам являюсь историческим существом, что тот, кто исследует историю, идентичен тому, кто ее творит” [3, с.87].

Итак, XXI Международный конгресс устами П.Фресса констатировал наличие кризиса, причем глубокого. Но очень характерно, что уже на следующем – XXII Международном конгрессе тот же Поль Фресс утверждал, что кризис в значительной степени преодолен. Анализируя продолжающееся со временем В.Вундта разделение психологии на естественнонаучно-ориентированную и культурноориентированную, французский учений выдвигает оптимистический тезис:

“Но мне кажется, что мы преодолели двусмысленность в вопросе единства психологии и цельности человека, сковывавшую психологию в первые десятилетия ее существования” [24, с.51]. Он поясняет, почему является сторонником “единства психологии”: “потому что ее объект – человек обладает своей спецификой, и нельзя игнорировать того, что малейшее из наших действий зависит от нашей природы и культуры. Но это не должно быть причиной разделения психологов на тех, кто изучает только мозг, и тех, кто занимается поведением” [24, с.53]. “Человек ли, как Фресс того требовал, является объектом психологии или поведение, как по сей день считают многие из цеха психологов-исследователей, но пока психологическое исследование будет претендовать на роль естественнонаучного, оно то и дело будет натыкаться на несуразности. Однако из этого не следует, что психологию невозможно построить как научную. Возможно, она научна, но по нормам других, нежели естественных, наук. Вот почему нужно рассматривать как несчастье для этой науки, что ее служители получают свои дипломы (по крайней мере в венгерских университетах, но думается нам, что не только) без малейшего представления о той, отличной от естественнонаучной, логике, которой пользуются науки исторические, лингвистические, литературные, юридические, моральные и которая так же многообещающим образом может быть применена к решению определенных проблем психологии, как и логика естественных наук. Мы считаем этот пробел несчастьем для психологии потому, что с ним связан ее распад на две полунауки и затяжные попытки воссоздать единство способом навязывания естественнонаучной логики рассуждениям в области другой полупсихологии [3, с.90–91]. “Не подает большие надежды также и обратный прием, когда общим знаменателем

двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, герменевтическая логика исторических наук. На язык этой последней ничего невозмож но перевести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой” [3, с.90–91].

Как ни удивительно, до сих пор многие исследователи выражают надежду, что проблема разрешится просто: где-то будет найден ответ, причем в готовом виде. Венгерские психологи Л.Гараи и М.Кечке, яркая статья которых уже неоднократно цитировалась, связывают надежды с творческим наследием Л.С. Выготского: “В последнее время возникли некоторые признаки того, что психология найдет излечение от своей шизофрении не ценою логического империализма той или другой из двух полунаук. Самым ярким из этих признаков является то особое внимание, с которым за десять последних лет западная научная общественность обращается к теории Выготского” [3, с. 91]. Крупный американский исследователь М. Коул усматривает возможное разрешение кризиса в психологии в развитии идей, содержащихся в работах А.Р.Лурии [30]. Такого рода экспектации воспринимаются с известным пессимизмом. Условия для преодоления раскола в психологии должны быть не внешними, а должны быть заложены в фундамент психологии. Должна быть выполнена содержательная методологическая работа.

Итак, в психологии по-прежнему раскол. О той же болезни говорит и Ф.Е.Василюк [2]. В своей статье он говорит о симптомах “схизиса” – расщепления психологии на научную и практическую. Схизис, расщепление психологии трактуется Ф.Е.Василюком как характеристи-

ка современного ее состояния в нашей стране. В качестве выхода из кризиса (преодоления схизиса) предлагается реализация психотехнического подхода как средства выработки общепсихологической методологии. При всей заманчивости психотехнического подхода (во избежание недоразумений еще раз повторим: мы не против подхода, но против абсолютизации его *методологического значения для общей психологии*), видимо, не следует надеяться, что он явится панацеей.

Все-таки трудно не обратить внимания на удивительное сходство между кризисом в психологии, разыгравшимся в первой трети прошлого века, с кризисом нынешним. Возникает впечатление, что кризис начавшийся, по уверению Н.Н. Ланге, в семидесятые годы позапрошлого столетия, остался непреодоленным. Прав был и А.Н. Леонтьев, утверждавший, что мировая психология в течение столетия развивается в условиях кризиса. Российская психология “вернулась” в мировую психологию, кризисные явления, как и следовало ожидать, не исчезли. Вместе с тем трудно оспорить наблюдение, согласно которому периодически происходят “обострения” этого кризиса. И с таким очередным обострением мы имеем дело сейчас. По-видимому, существует общий глобальный кризис научной психологии, начавшийся в семидесятые годы позапрошлого столетия. Он не преодолен, с ним психология вступает в третье тысячелетие. Кроме этого общего существуют более локальные кризисы развития, являющиеся естественной фазой нормального процесса развития. Их “наложение” воспринимается как “обострение” или как возникновение “нового” кризиса (это зависит от установки воспринимающего).

Но если глобальный кризис один и тот же, в чем он состоит? Уже приводилось достаточное количество мнений на

этот счет. Причем их число легко умножить. К примеру, К.Левин полагал, что трудности, которые испытывает психология, в том, что она еще не освободилась от аристотелевского типа мышления и лишь переходит к галилеевскому [33]. П.Я.Гальперин, известный советский психолог, видел истоки кризиса в том, что психология не смогла преодолеть дуализм: “Подлинным источником “открытого кризиса психологии” был и остается онтологический дуализм – признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга. Характерно, что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный процесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно – *toto genere* – разными, несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно противоположные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя” [8, с.3].

П.Я.Гальперин полагал, что “с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе” [8, с.3]. К сожалению, диалектическому материализму тоже не удалось решить главные методологические вопросы психологии. Надежда оказалась иллюзорной.

Современные американские авторы вполне обоснованно утверждают, что «сегодня психология еще более неоднородна, чем сто лет назад, и кажется, мы как никогда далеки от того, что хоть как-нибудь напоминало бы согласие относительно характера психологии» [27, с.33]. «В конце [XX] столетия нет никакой единой системы, никаких единых принципов для определения психологической дисциплины и ведения исследований» [27, с. 33]. «Психология... представляет собой не единую дисциплину, но собра-

ние нескольких различных ветвей» [27, с. 33]. «Американская психология разделена на враждующие фракции» [27, с.33].

Таким образом, нынешний кризис в психологии – это кризис мировой психологической науки. В России он переживается острее в силу особенностей нашей социокультурной ситуации. Кризис психологии в конце второго тысячелетия глобален, объемен, интернационален и многопланов. Его проявления можно усмотреть в самых разных плоскостях. Каковы же основные, наиболее существенные проявления кризиса на пороге XXI века? В чем его причины на современном этапе развития психологии?

Глубокий и интересный анализ кризисного состояния психологии предпринял А.В.Юревич, статья которого называется «Системный кризис психологии» [28] и посвящена обоснованию положения о том, что кризис в современной психологии носит системный характер и определяется несколькими ключевыми факторами. Остановимся на этой работе более подробно, т.к. это одно из немногих специальных исследований по данной проблеме в современной науке.

А.В. Юревич четко определяет симптомы кризиса: 1) отсутствие единой науки, дефицит устойчивого знания, обилие альтернативных моделей понимания и изучения психического; 2) углубляющийся раскол между исследовательской и практической психологией; 3) конкуренция со стороны парапнауки, возникновение пограничных между наукой и не-наукой систем знания. Анализируя современное состояние психологической науки, А.В. Юревич отмечает, что «в этой дисциплине отсутствуют общие правила построения и верификации знания; различные психологические школы или, как их называл А.Маслоу, «силы» представляют собой «государства в государстве», которые не имеют ничего общего, кроме границ; психологические теории да-

же не конфликтуют, а, как и парадигмы Т.Куна, несопоставимы друг с другом; то, что считается фактами в рамках одних концепций, не признается другими; отсутствует сколь либо осозаемый прогресс в развитии психологической науки, ибо обрастиание психологических категорий взаимно противоречивыми представлениями трудно считать прогрессом, и т.д.» [28, с.4].

А.В. Юревич справедливо указывает, что в 70-е годы ХХ века возлагались большие надежды на появление единой и универсальной психологической теории, которая будет принята всеми психологами и объединит психологическую науку, но им не суждено было оправдаться: психология сегодня еще более мозаична и непохожа на естественные науки, чем раньше.

Автор цитируемой работы несомненно прав, когда утверждает, что неудачные попытки походить на естественные науки вызвали стремление обосновать исключительное положение психологии. Самоопределение психологии чаще всего осуществляется при помощи куновского понятия «парадигма». А.В. Юревич анализирует различные позиции относительно методологического статуса психологии и приходит к выводу о том, что их можно представить следующим образом: 1) психология представляет собой допарадигмальную область знания; 2) психология является мультипарадигмальной наукой; 3) психология – внепарадигмальная область знания.

А.В.Юревич справедливо указывает, что преобладающее сейчас определение методологического статуса психологии на основе третьей позиции позволяет психологии преодолеть комплекс неподобия на точные науки.

Главную причину кризиса психологии автор видит в общем кризисе рационализма, охватившем всю западную цивилизацию. «В условиях общего кризиса

рационализма границы между научной психологией и системами знания (или заблуждений), которые еще недавно считались несовместимыми с наукой, уже не являются непроницаемыми» [28, с. 9].

Автор использует важные понятия «социодигмы» и «метадигмы» (см. Таблицу 1 «Общие типы когнитивных систем»). «Исследовательская же и практическая психология, обладая всеми различиями, характерными для разных парадигм, развиваются к тому же различными сообществами, и поэтому их следовало бы обозначить не как конкурирующие парадигмы, а как различные социодигмы» [28, с. 7]. Метадигмы связаны с выделением таких систем отношения к миру как западная наука, традиционная восточная наука, религия и т.д. «Эти системы носят более общий характер, чем парадигмы и даже социодигмы, и, развивая данную терминологию, их можно назвать метадигмами, отведя им соответствующее место в иерархии когнитивных систем» [28, с. 9]. Водораздел между различными метадигмами состоит в том, что они опираются на различные типы рациональности.

Наука, согласно А.В.Юревичу, зависит от общества не только социально, но и когнитивно, впитывая и включая в состав научного знания порожденные другими метадигмами и распространенные в обществе представления.

«Психология, таким образом, оказавшись в наиболее «горячей точке» взаимодействия различных метадигм, испытывает на себе их противоречивое влияние, которое отображается в ее внутренних противоречиях, воспринимаемых как кризис психологического знания и традиционных способов его получения. Ее кризис носит системный характер, имея в своей основе три ключевых фактора: 1) общий кризис рационализма, 2) функциональный кризис науки, 3) кризис естественнонаучности и традиционной

– позитивистской – модели получения знания. Все три составляющие этого кризиса имеют социальные корни, и поэтому кризис психологии, проявляющийся в основном в когнитивной плоскости – как кризис психологического знания и способов его получения, обусловлен преимущественно социальными причинами, являясь кризисом не столько самой психологической науки, сколько системы ее взаимоотношений с обществом, и поэтому может разрешиться только социальным путем. Наивно полагать, что изобретение новых систем психологического знания, развитие уже существующих или отработка новых способов аргументации помогут рационалистической метадигме одолеть ее конкурентов» [28, с. 10]. Не вдаваясь в обсуждение этой оригинальной работы, отметим только, что не со всеми положениями, высказанными автором, можно согласиться.

Несомненно, что кризис может быть разрешен только социальным путем. Кризис психологии может быть преодолен только целенаправленной совместной работой психологического сообщества, т.е. социальным путем. Но первопричина кризиса лежит, по нашему мнению, именно в когнитивной плоскости и заключается в неадекватном понимании психологической наукой своего предмета.

Положение психологии на пороге третьего тысячелетия, как мы видели, никак нельзя признать благополучным. Ее современное состояние можно определить как глубокую диссоциацию (букв.: «разъединение», «разделение»). Этот термин (широко использующийся ныне в разных школах психиатрии и психотерапии) точнее всего, как представляется, описывает происходящее в этой области человеческого знания. В чем проявляется эта диссоциация в современной психологии (и в мировой, и в российской)?

Во-первых, в традиционной для пси-

хологии кризисной симптоматике, когда отсутствует единый подход: нет основы, объединяющего начала. «Психологий много, нет психологии». Впервые о кризисе начали говорить в 70-е годы XIX столетия. В первой трети XX века кризис вступил в открытую фазу, выдающиеся психологи посвятили его анализу свои труды (Л.С.Выготский, К.Бюлер, С.Л.Рубинштейн, К.Левин и др.). Кризис в истории психологии имел много «липов»: борьба между объективной и субъективной психологией, между объяснительной и понимающей, между психологией материалистической и спиритуалистической, между поведенческой и психологией сознания и т.д. В настоящий момент кризис выражается наиболее ярко в противостоянии естественнонаучного и герменевтического (гуманистического) подходов (см. подробнее [3]).

Во-вторых, в противопоставлении научной (академической) психологии и психотехник (практической психологии) (см. подробнее [2]). Психологическая практика, как это ни печально, чаще всего исходит из каких угодно теорий, но только не из концепций научной психологии. Разрыв между теорией и практикой в психологии, существовавший в двадцатые годы (о нем писал Л.С.Выготский в 1927 году), ныне углубился, превратился в глубокую пропасть — в первую очередь, по причине многократного увеличения масштабов психологической практики.

В-третьих, в разрыве между научной психологией и концепциями и техниками, ориентированными на углубленное самопознание (от мистики и эзотерических учений до современной трансперсональной психологии и т.п.). Действительно, человеку, интересующемуся познанием «Я», ищущему свой духовный путь лучше обращаться не к научной психологической литературе. Эта «ниша» прочно оккупирована специалистами, далекими

от научной психологии. В крайнем случае, литература, поэзия и философия дадут в этом отношении существенно больше, чем научные психологические труды. Критика В.Дильтеем (1894) научной психологии («в Лире, Гамлете и Макбете скрыто больше психологии, чем во всех учебниках психологии, вместе взятых»), увы, по-прежнему актуальна.

В-четвертых, в разрыве между психологией западной и восточной. Верно, что восточные учения в XX столетии стали постоянной составляющей интеллектуальной жизни цивилизации. Но на научную, академическую психологию они, практически, влияния не оказали. В значительной степени ассимилировавшая опыт восточной психологической мысли трансперсональная психология сама до сих пор остается фактически непризнанной официальной наукой.

В результате этих диссоциаций (перечень можно продолжить, существуют и другие диссоциации) «пострадавшей» стороной оказывается именно научная психология, т.к. происходит постепенное сужение пространства науки: проблемные поля «уступаются» разного рода «практическим психологам», среди которых немало откровенных шарлатанов. Таким образом, научная психология идет по пути обратному, указанному некогда создателем гуманистической психологии А. Маслоу, который предлагал психологической науке осваивать предметные области, традиционно относящиеся к сфере искусства и религии. Не вызывает энтузиазма предложение превратить психологию в психотехнику, перейти от «исследования психики» к «работе с психикой»: это превращение просто лишит психологию возможности стать в будущем фундаментальной наукой, основой наук о человеческой психике. Если воспользоваться терминологией К.Д.Ушинского, то в этом случае психология вообще перестанет быть наукой и превратится в

искусство. Все же психология, каково бы ни было ее настоящее, вне сомнения, является наукой.

Уже в конце XX столетия стало совершенно ясно, что ни одна из диссоциаций не может быть разрешена «силовым» путем, посредством «логического империализма» одной из «полупсихологий», представляющих «полюса» в той или иной диссоциации. Как отмечают Л.Гараи и М.Кечке, экспансия естественнонаучной логики приводит к тому, что исследование все чаще «будет натыкаться на несуразности» [3, с.90]. «Не подает больше надежды также и обратный прием, когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, герменевтическая логика исторических наук. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытых, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой» [3, с.91].

Другой возможный ход, который представляется естественным в сложившейся ситуации, также не внушает оптимизма: если существуют диссоциации, должен быть «запущен» механизм интеграции. Но, как это убедительно показали еще Л.С. Выготский и С.Л. Рубинштейн, «синтез» разнородного путем механического «сложения» обычно не осуществляется: для этого необходимы особые условия.

К таким условиям, на наш взгляд, в первую очередь, необходимо отнести пересмотр понимания предмета психологической науки. Все отмеченные выше диссоциации имеют одну причину — слишком узкое, ограниченное понимание предмета психологии.

В решении этой проблемы можно

выделить два этапа ее решения. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). Эта работа в значительной степени уже проделана. Второй этап – содержательное наполнение концепта «предмет психологии». В этом направлении работа также уже проводится. Как конкретно будет называться этот новый предмет? Представляется, что наиболее удачным является термин «внутренний мир человека» [25]. Предпринята попытка представить в качестве предмета психологии внутренний мир человека, поскольку именно он позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение, вместив всю психическую реальность в полном объеме. Многие методологические проблемы психологии порождаются нерешенностью главной – выработкой нового понимания предмета. Противостояние парадигм, различия между естественнонаучной и гуманистической ориентациями в психологии и т.п. – эти важнейшие проблемы являются в значительной степени следствиями нерешенности основного вопроса психологии. Проблема предмета – это действительно, если перефразировать классика, основной вопрос всей, в особенностях новейшей психологии.

В настоящее время подготовлен учебник для будущих психологов [26]. При подготовке данного учебника было использовано новое понимание предмета психологии как внутреннего мира человека. В этом учебнике рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что внутренний мир отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с од-

ной стороны, един с внешним миром, с другой — независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями.

Внутренний мир как субстанциональная сущность, характеризуется устойчивостью, выступает как пребывающая сущность и ее проявления, как сущее, причина которого в нем самом, существующее как причина самого себя. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются проблемы, которые изучает психология.

Кризис психологии может быть преодолен только целенаправленной совместной работой психологического сообщества, т.е. именно социальным путем. Но первопричина кризиса лежит, по нашему мнению, именно в когнитивной плоскости и заключается в неадекватном понимании психологической наукой своего предмета.

Как представляется, кризис в психологии имеет уровневое строение. Полезно выделение трех основных уровней. Это позволяет удовлетворительно решить вопрос о том, является кризис перманентным или локальным, потому что, на наш взгляд, справедливы оба заключения — речь при этом идет о разных уровнях.

По нашему мнению, глубинный кризис научной психологии существует с момента ее возникновения, он не преодолен до сих пор, хотя может проявляться на разных уровнях. По меньшей мере, их три.

Первый — относительно неглубокий. Этот уровень отражает закономерности любого развития, включающего в себя, как хорошо известно, и личические и критические этапы. Кризис на этом уровне — нормальный, естественный этап

в развитии любого подхода, направления, «локальный» кризис, который и возникает, и преодолевается относительно легко.

Второй уровень — уровень «основных парадигм». Еще Вундт — создатель научной психологии — заметил в «Основах физиологической психологии», что психология «занимает среднее место между естественными и гуманитарными науками». История психологии в XX столетии может быть уподоблена движению «маятника»: периодические обострения кризиса — не что иное, как разочарование в возможностях свести всю психологию к ее «половине» (естественнонаучной или герменевтической). Иными словами, когда по части научного сообщества становится очевидной несостоятельность очередной попытки решить вопрос о целостности психологии ценой «логического империализма» той или другой из двух полунаук (по изящному выражению Л.Гараи и М.Кечке), возникает впечатление, что психология вновь в кризисе.

И, наконец, третий, самый глубокий уровень, связан с ограниченным пониманием самого предмета психологии. На этом уровне кризис не преодолен до сих пор (со времен В.Вундта, Ф.Брентано и В.Дильтея). Истоки кризиса, на наш взгляд, можно обнаружить в трудах научных середины XIX столетия, которые обеспечили психологии статус самостоятельной науки. Обстоятельства выделения были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета. С одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения), с другой, разделение психики на «вышнюю» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного»). На наш взгляд, обращение к трактовке предмета

психологии как внутреннего мира позволяет удовлетворительно разрешить эти проблемы.

Перманентным (не преодоленным до сих пор) он является на третьем, глубинном уровне (связанном с пониманием предмета психологии). Применительно к этому уровню можно сказать, что это действительно кризис, который всегда с тобой. О нем в рамках настоящего текста было сказано, что переживания, связанные с этим уровнем, напоминают психологам, что современная психологическая наука далека от идеала.

На втором уровне – парадигмальном – речь идет о тех кризисах, которые возникают регулярно и регулярно разрешаются. Если принимать во внимание в основном этот уровень, сложится впечатление, что кризисы преходящи. Многочисленные примеры приводились выше: трудности в реализации естественнонаучного подхода приводят к повышенным ожиданиям от герменевтического (в последние годы также и от других парадигм: конструктивистской, психотехнической, синергетической, постмодернистской). В настоящее время налицо повышенное внимание к нейронаукам, достижениям в

области фармакологии, которая создает препараты, направленно модифицирующие психическую активность.

И, наконец, первый, явленный на поверхности, отражает жизнь конкретной научной школы или направления. Как хорошо известно, можно говорить о кризисах в бихевиоризме, психоанализе, когнитивной психологии, деятельностном подходе и т.д. Поскольку первый и второй уровни могут совпадать по времени, это может приводить к субъективному «наложению» – усилению переживания, то есть кризис может переживаться более остро.

Если говорить о глубинном уровне, то главный вывод, который следует из вышеприведенных соображений, состоит в том, что кризис в научной психологии, так сказать, «заложен конструктивно». Следовательно, важнейшей проблемой современной психологии остается выработка такого понимания предмета, который бы позволил преодолеть кризис на глубинном уровне. Здесь нет возможности рассматривать исторические причины возникновения узко-неадекватной трактовки предмета, хотя это и представляется важным и поучительным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брентано Ф. Избранные работы. [Текст] / Ф.Брентано. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 199. 176 с.
2. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса [Текст] / Ф.Е.Василюк // Вопросы психологии, № 6, 1996. С. 25–40.
3. Гараи Л., Кечке М. Еще один кризис в психологии! [Текст] // Вопросы философии, № 4, 1997, с. 86–96.
4. Гусельцева М.С. Методологические кризисы и типы рациональности [Текст]/ М.С.Гусельцева // Вопросы психологии. 2006, № 1. С. 3–15.
5. Завершнева Е.Ю. Проблема кризиса в современной психологии: историко-методологическое исследование: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. [Текст] / Е.Ю.Завершнева. М., 2004. 24 с.
6. Зеленкова Т.В. О сетевой парадигме в психологии [Текст]/ Т.В.Зеленкова // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 18–28.
7. История зарубежной психологии: 30–60-е годы. Тексты. [Текст] / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1986. 344 с.
8. История психологии: период открытого кризиса: Тексты [Текст] / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1992. 364 с.
9. Кризис [Электронный ресурс] / / <http://dictionary-economics.ru/word/> (дата обращения 22.07.2015)

10. Ланге Н.Н. Психический мир: Избранные психологические труды Под. ред. М.Г. Ярошевского. [Текст] / Н.Н.Ланге. М.: Изд-во “Институт практической психологии”, Воронеж: НПО “МодЭК”, 1996. 368 с.
11. Ланге Н.Н. Психология [Текст] / Н.Н.Ланге // Итоги науки в теории и практике. Т.8. М.: Изд-во т-ва “Мир”, 1914. 312 с.
12. Ланге Н.Н. Психологические исследования: Закон перцепции. Теория волевого внимания. [Текст] / Н.Н.Ланге. Одесса: Типография Шт. Одесского военного Округа, 1893.
13. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. [Текст] / А.Н.Леонтьев. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
14. Мазилов В.А. Теория и метод в психологии. [Текст] / В.А.Мазилов. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с.
15. Мазилов В.А. Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. [Текст]/ В.А.Мазилов. Ярославль: МАПН, 2001. 112 с.
16. Мазилов В.А. Актуальные методологические проблемы современной психологии. [Текст] / В.А.Мазилов. Ярославль: МАПН, 2002. 166 с.
17. Мазилов В.А. Психология: шизофрения как и было сказано [Текст] / В.А.Мазилов // Психотехнологии в социальной работе / Сб. под ред. В.В. Козлова Ярославль: МАПН, 1998, с.140-173.
18. Мазилов В.А. Психология: кризис в науке [Текст] / В.А.Мазилов // Психотехнологии в социальной работе. Выпуск 9. / Сб. под ред. В.В.Козлова. Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2004, с. 12-46.
19. Мазилов В.А. Методология психологической науки: история и современность [Текст]. Ярославль: МАПН, 2007. 359 с.
20. Мироненко И.А. Кризис психологии: перманентный и системный или локальный? [Текст] / И.А.Мироненко. // Вопросы психологии. 2008. №4. С. 119–127.
21. Парадигмы в психологии: Науковедческий анализ. [Текст] / Отв. Редакторы А.Л.Журавлев, Т.В.Корнилова, А.В. Юрьевич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 386 с.
22. Робин Гуд по имени Сорос: Интервью с Д.Соросом [Текст] // Аргументы и факты, 1997, № 41(886), с.13
23. Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива [Текст] / Под ред. А.Л.Журавлева, А.В.Юревича. М.: Изд-во ИПРАН, 2007. 480 с
24. Фресс П. О психологии будущего [Текст] / П.Фресс // Психологический журнал, т.2, № 3, 1981, с. 48-54.
25. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. [Текст] / В.Д.Шадриков. М.: Университетская книга, 2005
26. Шадриков В.Д., Мазилов В.А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. [Текст] / В.Д.Шадриков, В.А.Мазилов. М.: Юрайт, 2015. 411 с.
27. Шульц Д.П., Шульц С. Э. История современной психологии. [Текст] / Д.Шульц, С.Шульц. СПб: Евразия, 1998. 528 с.
28. Юрьевич А.В. Системный кризис психологии [Текст]/ А.В.Юревич // Вопросы психологии, № 2, 1999, с. 3-11.
29. Bühler K. Die Krise der Psychologie. [Текст]/ K. Bühler. Jena: Fischer, 1927. XV, 223 S.
30. Cole M. Alexander Luria and the Resolution of the Crisis in Psychology [Текст] / M .Cole // I Международная конференция памяти А.Р. Лурии – First International Luria Memorial Conference: Abstracts. Moscow, Russia, September 24–26, 1997. М.: MGU, p.117.
31. International Congress of Psychology 21 st Paris, 1976.: Actes du XXI e Congress international de psychologie. Paris, 18–25 juillet. [Текст] Paris: Press Univ. de France, 1978. 462 p.
32. Kostyleff N. La crise de la psychologie experimentale. [Текст] / N. Kostyleff. Paris, 1911. 186 p.
33. Lewin K. The Conflict between Aristotelian and Galilean Modes of Thought in contemporary Psychology [Текст] / K. Lewin // J. Gen. Psychol., 1931, pp.141-177.
34. Willy R. Die Krisis in der Psychologie. [Текст] / R. Willy. München, 1899. 280 S.
35. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie [Текст]. / W. Wundt. Leipzig: Engelmann, 1874. XII, 870 S.

CRISIS IN PSYCHOLOGY: WAS TROYA REAL?

VLADIMIR MAZILOV

*Doctor of Psychology, Professor, Head of the Chair of
Yaroslavsk State Pedagogical University after K. D. Ushinskii*

This article analyzes the phenomenon of the crisis in psychology. Periodically, there are new publications on the crisis in psychology. This indicates that the topic remains relevant. The article explains the position according to which there are psychological reasons that cause the new generations of psychologists all talk about the crisis. The main thesis of this article – intrusive treatment (and return) to the theme of the crisis there is nothing more than a memory of Psychologists (for themselves), that psychology is not perfect yet, if measured by and large, consider it the science of the human soul, the science of the most amazing and perfect (elevated), as once thought, Aristotle. It is alleged that during the inception of the crisis should be taken in 1874, ie, it coincides with the date of occurrence of psychology as an independent science. Identified and described three levels of crisis.

ԳԻՏԱԿԱՆ ՀՐԳԵԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ՃԳՆԱԺԱՄԸ. XXI ԴԱՐ

ՎԼԱԴԻՄԻՐ ՄԱԶԻԼՈՎ

Կ. Դ. Ուժինություն անվան Յագուսկայի պետական մանկավարժական համալսարանի ամբիոնի վարիչ,
հոգեբանական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր

Հողվածում դիտարկվում է ճգնաժամի բացառիկության վերլուծությունը հոգեբանության մեջ: Հոգեբանության մեջ ճգնաժամի վերաբերյալ պարբերաբար ի հայտ եկող հրապարակումները փաստում են այն, որ վերջինիս մասին թեման արդիական է և փակված չէ:

Հողվածում սահմանվում է մի դրույթ, որի համաձայն՝ գոյություն ունեն հոգեբանական դրապատճառներ, որոնք հնարավորություն են տալիս նոր սերնդի հոգեբաններին խսնելու ճգնաժամի մասին: Ներկայացվող հողվածի հիմնական դրույթը այն է, որ ճգնաժամի վերաբերյալ կազմով վերաբերմունքը (և անդրադարձը) ոչ այլ ինչ է, եթե ոչ հոգեբանների իմշողությունը (հենց իրենց համար) այն բանի մասին, որ հոգեբանությունը դեռ կատարյալ վիճակում չէ: Եթե հնարավոր լիսի չափել գերակշիռ չափով, պետք է համարել այն գիտությունը հոգու մասին, գիտություն՝ առավել զարմանալիի և կատարյալի (բարձրացման) մասին, ինչպես ենթադրում էր Արխանոսելը: Ապացուցված է, որ ճգնաժամի ստեղծման ժամանակը պետք է ընդունել 1874 թվականը, այսինքն՝ այն համընկնում է հոգեբանության՝ որպես ինքնուրույն գիտության առաջացման ժամանակի հետ: